

Пииту

1

Неслышно жил в последних временах —
с любым режимом, ежась, спал валетом,
нет, не любовь носил в себе, а страх
проговориться вечности об этом.

О да, вмещал, *какое на дворе*,
знал, чьих богов предписано ученье,
но все-таки сидел в своей норе,
предпочитая вещи ощущение.

Хранил в груди, как дар бессмертья (впредь
хотелось бы о смерти без надрыва),
наклонность синим пламенем гореть
и злой восторг срываться вниз с обрыва.

Со всеми был *не общего лица*...
Но чем, скажи на милость, роль безумца
важней беспечной роли подлеца
для публики, пришедшей оттянуться?!

Неправильно все это: кабинет,
на век железный жалобы в конверте,
и то, что утверждал, что смерти нет,
а сам как черт огня боялся смерти.

2

Тот, о котором шла молва
как о носящем в сердце Слово,

с утра исходит на слова
вполне характера земного.
Плевать, что умерли стихи,
что чернь, внимая, смотрит тупо,
пока идут они, легки,
пустые, как глаза у трупа,

со дна души его, искрясь,
что слог, не жгущий сердце — пена,
а сладость поцелуя — грязь,
когда любовь давно — измена...

Теперь всей мощью падежей
он уж отстаивать не станет,
что нам молчание нужней,
чем речь ученая местами,

что остаются только те
слова на выцветшей странице,
что вызревают в немоте,
боясь тебе проговориться.

Что лишь они здесь, как печать,
скрепив уста твои, и могут
заставить личное молчать,
чтоб дать хоть слово молвить Богу.

Триптих

1

Коль в роли паяца
от жизни косить,
то грех нам бояться
и ждать, и просить.

Ликуй, что, поддатый,
не с кем-то в строю
зачем-то куда-то,
а, словно в раю,

то в садике темном,
то в парке пустом,
где, с сердцем бездонным,
лафа под кустом.

Уж лучше б нам с птицей
да с майским жуком,
чем, как говорится,
под их каблуком.

Ну, пнет для проформы
с утра тебя мент —

режима проворный
и злой элемент.
Ну, врежет, тупица,
так ведь не убьет!
А нам — грех не биться,
как рыбам об лед.

Припомни, в начале
за правду не раз
мы тут получали
от родины в глаз

и не поднимали
голов из травы.
А нынче, в финале,
не так же ль, увы?

Все наше уплыло
и всплыло все их.
Все будет, как было...
об этом и стих.

2

Все будет, как было.
об этом и речь!
Уходят уныло
(на мыло, сиречь)

миллионы в колоннах
на разный манер
до зрелищ голодных
и грязных химер.

С Твери ли, с Калуги —
идут, пузыри,
снаружи упруги,
пусты изнутри...

А ты, незаметный,
поскольку — пластом,
дурак беззаветный,
лежишь под кустом

в обнимку с синицей,
на пару с жуком...
что веку чиниться
с таким мужиком?!

Режиму не нужен.
И, значит, держись
без каши на ужин
и права на жизнь,

в тужурке вороньей,
надеждой одной...
всему посторонний,
лишь Богу родной.

Гляди удивленно,
пока не поймешь,
что мимо — колонны
идущих под нож.

3

Вот если б ты клячей
таскался в собес,
на водку там клянчил,
просил на обрез,

на всякий бы случай
заглядывал в рот
турчину, что учит
здесь русский народ,

тогда б — несомненно,
хоть этак, хоть так
ты — винтик отменный,
разменный пятак,

имел бы, как прочий
здесь Тихон и Глеб,
что, может, не очень,
но все-таки хлеб...

На водке женатый,
таскался б в кабак,
гонял бы пернатых,
пугал бы собак,

не годный на ужин
поддатым ментам,
валялся бы в луже
и здесь ты, и там,

такой весь народный,
такой весь простой,
не гад подколодный,
а полный отстой,

среди мрака и смрада,
как в роще олив,
в себе, словно гада,
себя раздавив.